

Title	Континентальная колонизация Сибири и морская колонизация Аляски : сходство и различие
Author(s)	Болховитинов, Николай Н.
Citation	Acta Slavica Iaponica, 20, 109-125
Issue Date	2003
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39421
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI20_005.pdf

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ И МОРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АЛЯСКИ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

НИКОЛАЙ Н. БОЛХОВИТИНОВ

В последние десятилетия колонизация Сибири и Аляски привлекала все большее внимание ученых как в России, так и в Соединенных Штатах. Одной из наиболее авторитетных и важных работ в этой области считается документальный трехтомник, изданный Орегонским историческим обществом в 1985-1989 гг.¹ Каждому тому предпосланы аналитические статьи профессора Бейзила Дмитришина, которые дают по необходимости краткое, но весьма компетентное изложение как истории русской экспансии на Восток, так и основной литературы и опубликованных источников. Следуя наиболее распространенной в литературе точке зрения составители подчеркивают, что экспансия России в Северной Америке «стала естественным продолжением ее продвижения на территории Северной Азии». Сходство колонизации Сибири и Аляски, по справедливому мнению профессора Дмитришина, видно в отношениях русских с местным населением, в характере использования природных ресурсов, в содержании официальных указаний руководителям экспедиций и секретности, окружавшей деятельность и планы России.² Вместе с тем, Дмитришин обратил внимание и на существование «фундаментальных различий». «До XVIII века, – по его мнению, – колонизация Сибири не была ни «грандиозным замыслом» (a grand design), ни явно очертанным и спланированным предприятием».³ В движении на Восток участвовали различные группы населения – промышленники, служилые люди, государственные крестьяне, «гуляющие люди», «литва», купцы и их служащие.

Специальную разработку различия в колонизации Сибири и Русской Америки получили в статье известного канадского исследователя Джеймса Р. Гибсона (Йоркский университет). «Если в Сибири королем был соболь (sable), то на Аляске царствовал морской бобр (sea-otter)», – справедливо подчеркивал проф. Гибсон и приводил далее подробную аргументацию этой мысли.⁴ Отдавая должное наблюдательности канадско-

1 Basil Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, and Thomas Vaughan, eds. & trans., *To Siberia and Russian America. Three Centuries of Russian Eastward Expansion 1558-1867. A Documentary Record*, Vol. 1-3 (Portland: Oregon Historical Society Press, 1985-1989).

2 Ibid., Vol. 2, p. XXXI.

3 Ibid.

4 James R. Gibson, "Russian Expansion in Siberia and America: Critical Contrasts," S.F. Starr, ed., *Russia's American Colony* (Durham: Duke University Press, 1987), p. 33.

го ученого и обоснованности большинства отмеченных им различий в колонизации Русской Америки и Сибири, нельзя не отметить отдельные погрешности. Так, его утверждение будто 90% русского мужского населения занимались торговлей мехами,⁵ может ввести читателя в заблуждение. В действительности сами русские ни добычей, ни продажей мехов прямо не занимались. В лучшем случае они выступали как руководители партий, охранники, члены команды морского судна и т.д., хотя в целом промысел пушны и торговля ею несомненно занимала главное, если не исключительное место в деятельности Российско-американской компании [далее – РАК].

Более существенные возражения вызывает вывод профессора Гибсона о том, что в отличие от Сибири, колонизация которой совершалась отдельными индивидуумами и компаниями, соперничавшими друг с другом, в Русской Америке «ни один индивидуальный предприниматель не мог себе позволить снарядить, укомплектовать и направить судно в плавание на несколько лет».⁶ Между тем, вся история колонизации Алеутских островов и северо-западного побережья Америки связаны с деятельностью многочисленных промысловых экспедиций, начиная с посылки «Св. Петра» В.С. Басова в 1743-1744 гг. и кончая судами, снаряжавшимися Голиковым и Шелиховым в конце XVIII века.⁷ Само образование монополевой РАК в 1799 г., как показали современные исследования, явилось результатом не только инициативы правительства, но и итогом многочисленных усилий купцов и промышленников, и в первую очередь деятельности Наталии Алексеевны и Григория Ивановича Шелиховых.⁸ Создание

5 Ibid., p. 35. В числе других неточностей отметим утверждение, будто в 1802 г. тлинкиты захватили столицу Русской Америки Ново-Архангельск (Ibid., p. 36). В действительности индейцы захватили основанную в 1799 г. «крепость Св. архистратига Михаила», или просто «Михайловскую крепость», которую не следует путать с основанным в 1804 г. на том же о. Ситхе, но несколько километров южнее Ново-Архангельском, ставшим колониальной столицей в 1808 г. На явном недоразумении основано и разъяснение названий небольших русских постов на Аляске – «одинок», состоявших, якобы, из одного человека (one-man post), которых не существовало в Сибири (Ibid., p. 34). Не существовало их и на Аляске, так как поселение из одного человека состоять не может, и здесь просто ошибка в переводе русского термина. Даже, если «пост» состоял из одного строения, то кроме «начальника» в нем находилось еще несколько служащих.

6 Gibson, Op. cit., p. 39.

7 Подробно см. Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968 [Изд. на английском языке: Raisa V. Makarova, *Russians on the Pacific, 1743-1799* (Kingston: The Limestone Press, 1975)]; Болховитинов Н.Н. (ред.) История Русской Америки 1732-1867. Т. 1-3. М.: Международные отношения, 1997-1999 [далее – ИРА]. Т. 1, С. 69-196, 445-454.

8 Mary E. Wheeler, "The Origins and Formation of the Russian-American Company." Ph. D. dissertation (University of North Carolina at Chapel Hill, 1965); Idem, "The Origins of the Russian-American Company," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 14 (1965), pp. 485-494; Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. М.: Наука, 2000.

монопольной компании, таким образом, шло по инициативе не только «сверху», но и «снизу». И не случайно важную роль в образовании РАК и в первые годы деятельности компании сыграл действительный камергер Н.П. Резанов. Как зять Н.А. и Г.И. Шелиховых он, с одной стороны, представлял частные интересы семьи, а с другой стороны был близок к правительству и придворным кругам в С-Петербурге.⁹

Распространенное в литературе мнение о решающей и даже исключительной роли правительства в колонизации Русской Америки восходит к известной книге профессора С.Б. Окуня (1939), которая позднее была издана в США.¹⁰ Между тем, утверждение Окуня о том, что царское правительство имело тщательно продуманный план установления господства России на Тихоокеанском севере, включая Гавайские острова и Калифорнию не нашло какого-либо документального подтверждения.¹¹ Наоборот, документы, исходившие от правительства, ограничивали и сдерживали попытки непомерного расширения влияния России в бассейне Тихого океана, что выразилось, в частности, в отклонении в 1818-1819 гг. просьбы «владельца Сандвичевых островов» – Каумуалии о принятии его в подданство России и скептического отношения к проектам П.В. Добелла о торговых связях Камчатки и Русской Америки с Филиппинами, Калифорнией, Кантоном и т.д.¹² Более того, между РАК и правительством обнаружилось существенные разногласия, особенно резко проявившиеся в связи с заключением конвенций России с США и Англией о торговле и разграничении в 1824-1825 гг.¹³

Хотя руководство РАК неоднократно протестовало против условий конвенций 1824-1825 гг. и доказывало, что конкуренция иностранцев, и прежде всего американцев, приведет в упадок не только промысел компании, но и вообще «торг Сибири и всей Империи с Китаем», русское правительство, и в первую очередь министр иностранных дел К.В. Нессельроде, решительно отклонили все попытки пересмотреть заключенное соглашение, что «противно и достоинству Двора нашего, и самим выгодам Компании».¹⁴

9 Подробно см. Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и образование Российско-американской компании // Проблемы всеобщей истории. СПб., 2000. С. 23-27; *Его же*. Предисловие в кн. Петров. Указ. соч. С. 3-10.

10 Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.-Л., 1939 [Изд. на англ. языке: Semion B. Okun, *The Russian-American Company* (Cambridge, Mass., 1955).

11 Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения 1815-1832. М.: Наука, 1975. С. 87-131, 573-574 и др.

12 N.N. Bolkhovitinov, "The Adventure of Doctor Schaffer in Hawaii, 1815-1819," *The Hawaiian Journal of History* 7 (1973), pp. 55-78; Болховитинов Н.Н. Выдвижение и провал проектов Добелла // Американский ежегодник, 1976. М.: Наука, 1976. С. 264-282.

13 ИРА. Т. 2. С. 396-441.

14 Доклад К.В. Нессельроде Николаю I, 27 октября 1827 г. // Архив внешней политики Российской империи, ф. Канцелярии, д. 2995, л. 154-180.

И хотя интересы РАК и русского правительства никогда не были идентичны, влияние государства всегда оставалось преобладающим и постепенно все более увеличивалось. Если при организации РАК ее главное правление в С-Петербурге возглавил богатый купец и зять Н.А. и Г.И. Шелиховых М.М. Булдаков, а правителем колоний в Америке оставался А.А. Баранов, то после смены последнего Л.А. Гагемейстером в начале 1818 г. главными правителями в Русской Америке стали исключительно морские офицеры. После ухода М.М. Булдакова во второй половине 1820-х годов с поста первенствующего директора морские офицеры стали преобладать и в главном правлении РАК в С-Петербурге.

Сложнее дело обстоит при рассмотрении колонизации Сибири. В советской литературе распространение России на Восток принято связывать с процессом «народной колонизации». Авторы многотомной «Истории Сибири» писали: «Начало присоединения и освоения Сибири было положено не правительственными отрядами, а выходцами из народа – донскими и волжскими казаками с Ермаком во главе, освободившими хантов, манси, башкир, западносибирских татар и других от ига потомков чингисидов, хозяйничавших в Сибирском ханстве».¹⁵ Именно трудовое население составляло основную часть переселявшихся в Сибирь (К началу XIX в. крестьяне «составляли 82% русского населения Сибири и 57% всего населения края»)¹⁶.

К подобной точке зрения склонялись, по существу, и многие западные специалисты, включая упоминавшихся выше Б. Дмитришина и Дж. Гибсона, которые отмечали, что в отличие от колонизации Русской Америки, где главная роль с самого начала принадлежала царскому правительству, в Сибири процесс в основном шел стихийно и не являлся ни «грандиозным замыслом», ни заранее спланированным предприятием. Спланированным «замыслом» колонизация Сибири (как впрочем и колонизация Русской Америки), конечно не была, но Россия всегда была самодержавной страной и в этом смысле, как мне представляется, между положением в Сибири или в Русской Америке принципиальной разницы не существовало.

Да, с формальной стороны, братья Строгановы действовали по частной инициативе и в результате похода нанятого ими Ермака началось широкое продвижение за Камень (Урал) в Сибирь «встречь солнцу». Но ведь именно грамоты Ивана Грозного, приводимые еще Г. Миллером устанавливали право Строгановых заводить промыслы, строить крепости и организовывать походы против сибирского хана. В частности, 30 мая 1574 г. в ответ на жалобу Якова и Григория Строгановых, что они «из своего острога своих наемных казаков за Сибирскою ратью без нашего веления

15 Окладников А.П., Шунков В.И. и др. (ред.) История Сибири. Т. 2. Л.: Наука, 1968. С. 31.

16 Там же. С. 504.

послати не смеют», «царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси» пожаловал грамоту: «на Тахчеях и на Тоболе реке крепости им поделати, и снаряд вогняной, и пушкарей, и пищальников и сторожей от сибирских и от нагайских людей держати, и около крепостей у железного промысла, и у рыбных ловель и у пашен по обе стороны Тобола реки и по рекам и по озерам и до вершин двory ставити, и лес сечи, и пашня пахати и угоды владети».¹⁷ Из приведенного отрывка видно, что грамота Ивана Грозного развивала перед братьями Строгановыми перспективу колонизации Западной Сибири, на которую они без царского «веления не смеют».

Главным препятствием русскому продвижению на Восток первое время служило татарское государство, созданное некогда могущественной Золотой Ордой – Сибирский юрт, центром которого у слияния Тобола и Иртыша был город Кашлык, или Искар. Русские называли его «Сибирью». По мнению С.В. Бахрушина, именно с 1674 г. Строгановы приступают к планомерному завоеванию угодий «на Тахчеи и на Тоболе реке», завершившемуся около 1580 г. снаряжением экспедиции Ермака и распространением границ их вотчин от Урала до устья Тобола.¹⁸ Сибирский хан Кучум был разбит и в октябре 1582 г. казаки Ермака заняли опустевший Кашлык.

И хотя первоначальная колонизация Сибири выглядела как частное предприятие, за спиной Строгановых, а затем Ермака и других казаков явно просматривалась фигура московского царя. «Захват Кашлыка «наемными казаками» Строгановых, – писал С.В. Бахрушин, – вызвал посылку правительственных войск на Иртыш под начальством кн. С.Д. Болховского (в 1584 г.), а после него Ивана Мансурова, утверждение промышленников на берегах Тазовской губы привело к снаряжению правительством двух экспедиций в Мангазею в 1600 и 1601 гг.»¹⁹

Показательно, что уже в 1585 г. посланец московского царя сообщил Цесарю, что его люди «царство Сибирское взяли» и описывали это царство в нарочито преувеличенных, если не сказать фантастических выражениях: «Обь река великая, в ширину есть верст на пятьдесят, а города по ней Государь наш велел поставить, и ныне поставлено городов с семьдесят». Приводя эти «дипломатические небылицы», Г.В. Вернадский справедливо заметил: «В этих словах заключается программа того, что собиралось делать в Сибири московское правительство. Именно постройкой

17 Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым, 1574 г. мая 30 // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. Приложения. С. 339-341.

18 *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. М., 1955. С. 142-143. Обычно считается, что поход Ермака начался в 1581 г., но В.И. Сергеев на основе Ремизовской летописи считает возможным датировать начало похода 1 сентября 1578 г. См. *Сергеев В.И.* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // *Вопросы истории.* 1959. № 1. С. 117-129.

19 *Бахрушин.* Указ. соч. С. 143.

городов закрепляется второе (после гибели Ермака в 1584 г.) покорение Сибири».²⁰ Среди первых городов, основанных русскими, Вернадский называл Тюмень (1586), Тобольск (1587), Пелым (1593), Нарымский острог (1595), Кетский острог (1596), Томск (1604). Еще ранее на Севере были основаны Верхотурье (1598), Туринск (1600), а также Березов (1593) и Мангазея (1601).²¹ В наиболее важные города и остроги (в 1625 г. их было 14) назначались воеводы. Особое значение придавалось воеводе Тобольска, которым с начала 1623 г. стал потомок известного крымского татарского рода князь Ю.Я. Сулешев, зарекомендовавший себя деятельным и энергичным руководителем, который установил новые правила сбора ясака, запретил государственным служащим заниматься торговлей мехами, и тем самым значительно увеличил доходы царской казны. В 1625 г. его сменил один из самых известных русских бояр князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, и уже одно это назначение показывало какое значение в Москве придавали управлению Сибирью. К этому времени в Сибири насчитывалось не менее 3000 московских военнотружущих, около тысячи казаков и еще столько же местного татарского вспомогательного войска. Десять лет спустя численность войск составляла соответственно пять, около двух и две тысячи. Усиливалось внимание и к церковным делам. В Сибири была создана митрополичья кафедра и первым архиепископом Тобольска в 1621-1624 гг. стал Киприан. Из его приемников способным администратором зарекомендовал себя Нектарий (1636-1640).²²

Как современников, так и последующих исследователей поражала быстрота продвижения русских «встречь солнца». Со времен перехода Ермака через Уральский хребет и до выхода русских к берегам Тихого океана в 1639 прошло всего около 60 лет.²³ Экспедицию к Тихому океану возглавил томский казак Иван Москвитин, отряд которого начал поход с Верхнего Алдана из Бутальского острожка в начале лета 1639 г., перешел

20 Вернадский Г.В. Против солнца. Распространение русского государства к Востоку. М., 1914. С. 6 (отдельное издание, идентичное журнальному варианту: Русская мысль. 1914. Кн. 1. С. 56-79).

21 Вернадский. Указ. соч. С. 6-7; Сверено по кн.: Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

22 Вернадский Г.В. История России. Московское царство. Ч. 1. Тверь-Москва, 1997. С. 275-277. Подробнее о военной администрации Сибири см.: G.V. Lantzeff, *Siberia in the Seventeenth Century: A Study of the Colonial Administration* (Berkeley, 1943), pp. 67-70.

23 Для сравнения отметим, что со времени высадки англичан на континенте Северной Америки в 1607 г., основания Джеймстауна и Нового Плимута, и до выхода к устью реки Колумбии – основание Астории (1807) прошло около двух веков! Последующая колонизация континента заняла у американцев сравнительно меньше времени, и руководитель ценза 1890 г., а вслед за ним и Ф.Дж. Тернер констатировали окончание периода «свободных земель». F.J. Turner, "The Significance of the Frontier in American History," *Annual Report for 1893* (American Historical Association), p. 199.

через хребет Джугджур и по реке Улья вышел к Тихому океану, где в конце августа была заложено первое русское поселение на Дальнем Востоке – Усть-Улинское зимовье.²⁴ В дальнейшем, в Якутске был организован поход через Алдан к реке Амуру во главе с В.Д. Поярковым, который в 1644 г. совершил первое русское плавание вниз по Амуру, а в 1649-1653 гг. земли по Амуру завоевало русской войско во главе с Е.П. Хабаровым, который перечисляя свои «заслуги» утверждал, что привел под «государеву высокую руку» четыре земли: «Даурскую, Дюгерскую, Натцкую да Шляцкую», «ясачий сбор сбирал» и прибыль большую учинил. Завоевание богатого края сопровождалось насилием и жестокостью, что стало одной из причин не позволивших русским прочно утвердиться в Даурии. Позднее по Нерчинскому договору 1689 г. с Китаем России пришлось отказаться от земель на Амуре.²⁵

В целом, однако, присоединение Сибири шло весьма успешно. С конца XVI в. на новые «землицы» устремились не знавшие крепостного права поморы, ватаги «гулящих людей» и казаков, государственные крестьяне, промышленники, купцы и их приказчики. Началась «меховая лихорадка». Жажда наживы, подогреваемая рассказами о сибирских мехах, и в первую очередь о дорогих соболях, привлекала все новых искателей «мягкого золота». Как путеводная звезда «соболиный хвост» вел русских все далее и далее на Восток. Этому способствовала удобная система сибирских рек и небольших волоков. Следом за передовщиками, казаками и промышленниками шли служилые люди сибирских городов, собирая ясак как для московского царя (сибирские меха быстро стали главным источником пополнения казны, составив более четверти ее дохода) так и «поклонные соболя» для себя и местных воевод. Приводя под высокую государеву руку все новых и новых ясачных людей, казаки не забывали при этом и себя. В отличие от американцев русские не стремились к сгону местных жителей с занимаемых земель. Русским нужно было «мягкое золото», и они оказывались заинтересованными, чтобы аборигены оставались «на своих житиях». Это не значит, конечно, что не было конфликтов. Но следует учитывать, что первоначально во многих местах пришельцы оказывались в меньшинстве и обострять отношения с аборигенами для них оказывалось не только не выгодно, но и опасно. Большинство русских пересе-

24 Полевой Б.П. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан // Страны и народы Востока 1979. Вып. XX. С. 93-96; Полевой Б.П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан // Труды Томского обл. краеведческого музея. 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 24-35. Подробности организации похода см. Степанов Н.Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVIII в. // Изв. ВГО. 1958. 15. С. 438-452.

25 Чулков Н.П. Ерофей Павлов Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII века // Русский архив. 1898. Кн. 2. С. 189. Подробно о разграничении с Китаем см. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. 2-е изд., доп., Хабаровск, 1987. С. 312-394.

ленцев приходили без жен и на новом месте обзаводились семьями и устанавливали родственные связи с аборигенами, получая от них помощь, а также сведения о новых «землицах» и промыслах. Как правило, переход под власть московского царя не приводил и к резкому изменению жизни местных жителей, их обычаев и веры. Если ранее они платили дань неведомым татарским ханам, то теперь их властителем стал еще более далекий «московский хан». Когда-то завоеватели шли с юга и востока на запад, теперь завоеватели шли с севера и запада в обратном направлении. Всякое завоевание, конечно, сопровождается насилием и жертвами. И если русское завоевание Сибири сопровождалось сравнительно меньшими людскими потерями, а местное население сохранилось и даже возросло по своей численности, то в отношении животного мира этого сказать нельзя. «Меховая лихорадка» нанесла огромный урон прежде всего самому ценному зверю – соболу. По подсчетам П.Н. Павлова в 1620-1680 гг. промысел сибирских охотников составил 7 миллионов соболей! А в целом, в XVII веке стоимость сибирских мехов (соболь, белка, бобр, песец, горноста́й, лиса и т.д.) оценивалась огромной суммой в 15 млн. рублей²⁶ Русские меха из Сибири пополняли не только царскую казну. С соболиным промыслом было связано накопление многих крупных купеческих капиталов и расцвет поморских рынков. Сибирские меха шли и на европейские рынки – в Москву, Лейпциг, позднее в С-Петербург и далее в Голландию, Англию и другие страны, где они обменивались на различные промышленные изделия, колониальные товары и т.д.

«Меховая лихорадка» в Сибири XVII в., связанная прежде всего с соболем, во многом напоминала и действительно была сходна с начавшейся во второй половине XVIII в. «меховой лихорадкой» в Русской Америке. Вместе с тем, в полной мере проявились принципиальные различия континентальной колонизации Сибири и морской, океанической колонизации Русской Америки. В Сибири охота на соболей, белок, лис, песцов, горностаев и других сухопутных животных в основном производилась зимой, оставляя достаточно времени для занятий сельским хозяйством в летнее время. Понятно, что это облегчило решение самой трудной задачи – снабжение населения продовольствием и прежде всего хлебом. Первоначально хлеб доставляли в основном из метрополии, в том числе из центральной и северо-восточной части страны. В целом, однако, хлеба долгое время не хватало, и в 1636 г. Тобольский воевода сообщал в Москву, что «без присылочного хлеба с Руси» Сибирь существовать не может.²⁷ Лишь в 1685 г. с поморских городов была снята повинность посылать в Сибирь хлебные припасы. По расчетам В.И. Шункова, общая площадь

26 Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 342; *Его же*. Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в. Автореферат докторской диссертации. Новосибирск, 1973. С. 15, 19.

27 Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 270.

возделываемой земли к концу века превышала 100 тысяч десятин. При среднем урожае в 50 пудов с десятины это давало около 4 млн. пудов всякого хлеба, включая 2 млн. пудов ржи.²⁸ Как заметил С. Ремезов, сибирская земля «хлебоборна, овощна и скотна», и к началу XVIII в. русское крестьянство, переселившееся в Западную Сибирь решило задачу снабжения хлебом всего населения этого края. Из пашенных уездов Западной Сибири хлеб потянулся на Восток.²⁹

В монографии 1956 г. В.И. Шунков показал, что на протяжении XVII в. в Сибири была создана земледельческая полоса от Уральского хребта вплоть до р. Унги и верховьев Амура. Конечно, эта полоса не была сплошным массивом, но в ней уже отчетливо просматривалось несколько земледельческих районов – Верхнетурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Ленский и Забайкальско-Приамурский. К концу XVII века между отдельными районами Сибири установились экономические связи. Например: Верхотурско-Тобольский район снабжал своим хлебом как имевшие недостаточную запашку районы (Ленский, Забайкальский), так и бесхлебные города (Березов, Мангазея) на севере.³⁰ Успешное развитие сельского хозяйства стало основой быстрого роста населения Сибири в XVIII в. – первой половине XIX в., о чем свидетельствовали проводившиеся в крае периодические ревизии.

Рост населения Сибири в XVIII в. (в тыс. душ мужского пола)³¹

Ревизии	В том числе				
	Всего населения	коренных жителей	русских	Количество русских крестьян	% крестьян ко всему русскому населению
I 1719-1722	241	72	169	102	60.3
II 1744-1745	306	108	198	155	78.2
III 1762-1763	393	132	261	224	85.3
IV 1781-1782	552	163	389	318	81.7
V 1795-1796	595	183	412	338	82.0

Из приведенной таблицы видно, что уже по первой ревизии (1719-1722) население Сибири насчитывало 241 тысячу душ мужчин. Из них 72 тысячи приходилось на аборигенов (ясачное население). И не менее 70

28 Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII века. М., 1956. С. 252.

29 Его же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М., 1946. С. 172-173.

30 Его же. Очерки по истории земледелия. С. 252, 254 (выводы), С. 253 (карта: Размещение сибирского земледелия в XVII в.).

31 Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII-XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 146 (таблица 3), 153 (таблица 5); Окладников, Шунков и др. (ред.) История Сибири. Т. 2. С. 183 (таблица 1).

% составляли русские поселенцы. К 1795-1796 гг. население Сибири возросло до 595 тысяч душ мужчин, местное население – до 183 тысяч, а число русских – до 412 тысяч, Причем число русских крестьян составило 338 тысяч, то есть 82%

За последующие 63 года (1795-1858) население Сибири увеличилось с 595 тыс. до 1356 тыс. душ мужского пола. При этом число русского населения за этот же период возросло в 2,5 раза (с 412 тысяч до 1041 тысячи душ мужского пола). За счет естественного прироста в то же время происходило увеличение численности и коренного населения (соответственно с 183 тысяч душ в 1795 г. до 315 тысяч в 1858 г.). Основную массу населения Сибири составляли русские крестьяне (более 80%) Среди них абсолютно преобладали государственные крестьяне, а удельный вес крайне немногочисленного крепостного населения (преимущественно дворовых) неуклонно снижался.³²

Принципиальные различия между морской колонизацией Русской Америки и континентальной колонизацией Сибири возникли и стали проявляться уже в самом начале. Всю территорию огромной Сибири от Уральских гор до Тихого океана русские сумели пройти примерно за 60 лет, а последующий переход к морской океанической колонизации Алеутских островов и Аляски занял более ста лет, потребовал огромных усилий со стороны правительства и частных лиц – мореплавателей, купцов, промышленников. Знаменитой экспедиции В. Беринга – А. Чирикова, завершившейся в 1741 г. достижением берегов Северной Америки, в то время не было равных по масштабу, продолжительности и числу участников подготовки (до 5 тысяч). И хотя начавшаяся во второй половине XVIII в. «меховая лихорадка» привела к организации десятков частных и нескольких правительственных экспедиций, только в 1784 г. Н.А. и Г.И. Шелиховы смогли основать постоянное поселение на острове Кадьяк, а в 1799 г. по указу императора Павла I была создана Российско-американская компания, получившая монопольные права на развитие мехового промысла на Алеутских островах и Аляске вплоть до 55 с.ш. Активными строителями империи на Тихоокеанском севере в конце XVIII – начале XIX вв. стали Н.А. и Г.И. Шелиховы, Н.П. Резанов, А.А. Баранов. В С-Петербурге их поддерживал министр торговли, ставший вскоре министром иностранных дел, Н.П. Румянцев, адмирал Н.С. Мордвинов и др. В результате, к 1815 г. Российская империя простиралась от Варшавы и Гельсингфорса на огромном евразийском пространстве до Тихого океана и далее вплоть до Аляски и Калифорнии в Америке.³³

Морской флот (в первую очередь военный), хотя и начал играть важную роль в политике России еще со времен Петра I, все же не стал

32 Кабузан В.М., Троцкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 264-265, С. 261-277 (таблицы 1, 2).

33 ИРА. Т. 1. С. 5, 52-68, 109-153; Т. 2. С. 5-6, 8-14 и др.

главным фактором в жизни страны и ее международной политике. Даже в период высшего расцвета Российской империи – во время победы над Наполеоном – основной силой продолжала оставаться армия. Пятьдесят лет спустя Крымская война 1853-1856 гг. наглядно показала, что Россия не может противостоять на море сильным морским державам (Англии и Франции). И не случайно, что планы продажи Аляски появились вскоре после окончания Крымской войны.

Если в Сибири, как уже упоминалось, промысел сухопутных зверей (соболь, белка, песец, лисица и т.д.) осуществлялся в основном в зимнее время, что было для русских привычным и оставляло достаточно времени, чтобы летом заниматься сельским хозяйством, то в Русской Америке промысел морского бобра (калана) и котика начинался весной и продолжался все лето, что естественно, отрывало население от занятия земледелием, а для русских, кроме того, оказывалось делом непривычным.

«Драгоценнейшее произведение здешних морей, – по свидетельству К.Т. Хлебникова, – были и есть бобры морские, которых англичане называют справедливо морскими выдрами *Sea Otter*, а испанцы *Nutria*.» По подсчетам А.А. Баранова за десять лет (до 1800 г.) из колоний было вывезено «по меньшей мере сто тысяч шкур», и Хлебников считал, что «это мнение ничуть не увеличено».³⁴ По своей стоимости шкура морского бобра оценивалась до 100 рублей,³⁵ что составляло в то время целое состояние. Особенно высоко эти меха ценились в Китае, куда они доставлялись главным образом через Кяхту.

Самыми искусными охотниками на морских бобров были алеуты, метко названные И.Е. Вениаминовым «морскими казаками». По его словам, «все путешественники единогласно говорят, что алеут, в полном наряде и на своей байдарке, имеет красивый и даже величественный вид; тогда он точно на своем месте». Если калифорнийцы «из американцев есть лучшие наездники на лошадях», то лисьевские алеуты – «лучшие наездники на байдарках. Никакая сила ветра, ни волнения и даже не всякий толчок посторонней силы, если только алеут видит их, не опрокинут его, лишь бы только весло у него было в руках».³⁶ В результате, занимаясь промыслом бобров в море могли только алеуты «или люди с таким же зрением и глазомером, а русские, как бы не сделались искусны в байдарской езде, никогда не могут быть бобровыми промышленниками».³⁷ Такого же мнения придерживался К.Т. Хлебников, Ф.П. Врангель и другие

34 Хлебников К.Т. (Сост. С.Г. Федоровой) *Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова*: Ново-Архангельск. М.: Наука, 1985 [далее – Хлебников. Ново-Архангельск]. С. 88. По сообщению Ф.И. Шемелина в Кантон в 1804 г. американцы привезли 8200 шкур. В 1805 г. – 14000, а на судах РАК было доставлено еще 4628.

35 В Кантоне за лучших бобров платили иногда по 60 пиастров. Там же. С. 88.

36 Вениаминов И.Е. *Записки об островах Уналашкинского отдела*. Ч. 1-3. СПб., 1840. Ч. 2. С. 221.

37 Там же. Ч. 2. С. 14.

очевидцы, наблюдавшие промысел морских бобров. «Алеуты есть единственный народ, рожденный со страстью к бобровой промышленности». Выезжая партией, они разделяются на отряды до 10 байдарок. «Увидев бобра, окружают его, и первый, которому вынырнувший из воды бобр будет ближе, бросает в него стрелку и имеет право присвоить себе добычу. Бобр не более часа может скрываться под водой и чем больше бывает ранен, тем чаще появляется на поверхности. Невозможно, чтобы он ускользнул от меткой руки стрелков».³⁸

Наибольший размах промысел морских бобров достиг в конце XVIII в. и первые десятилетия XIX в., когда русские каждой весной организовывали посылку с о. Кадык нескольких партий охотников, набиравшихся из алеутов, кадыкцев и чугачей. «Главная партия, около 500 байдарок: отправлялась в апреле с острова Кадык вдоль северо-западного побережья Американского материка до бухты Бобровой, возвращаясь обратно только к концу августа. Вторая партия, около 200 байдарок, с апреля и до конца августа плавала вдоль островов к северу от Кадыка. Третья, из 40 байдарок, занималась промыслом на островах севернее Кадыка и одновременно перевозила необходимые припасы с одного острова на другой... Четвертая партия, 50 байдарок, уходила в западном направлении...».³⁹

И хотя русские промышленники иногда предпринимали попытки переклеститься на добычу сухопутных зверей, но при этом они часто сталкивались с непредвиденными трудностями. Так, главный конкурент Г.И. Шелихова П.С. Лебедев-Ласточкин попытался использовать индейцев и эскимосов материковой зоны для получения от них мехов сухопутных животных, но в конце XVIII в. потерпел неудачу. Морской промысел, добыча калана и котиков, приносил больше дохода, а мобильность байдарочных флотилий и искусство алеутов позволяли интенсивно «осваивать новые промысловые угодья».⁴⁰

Кроме того, независимые и более воинственные обитатели материка представляли более серьезную опасность для новых пришельцев и значительно осложняли их деятельность.

В целом, меховой промысел, особенно промысел каланов, а еще в большей степени морских котиков в конце XVIII – начале XIX в. осуществлялся вполне успешно и приносил РАК значительные доходы. Так, в 1797-1821 гг. по данным П.А. Тихменева из Русской Америки было вывезено 72.804 морских бобра, и 1.232.374 морских котика. Конечно, из

38 *Хлебников*. Ново-Архангельск. С. 89.

39 *Ляпунова Р.Г.* Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. С. 98. Хотя данные, приводимые Р.Г. Ляпуновой, представляются несколько завышенными, они в общем правильно отражали промысел калана в начальный период деятельности РАК.

40 *Гринев А.В.* Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски // ВИ. 1999. № 11. С. 166.

колоний вывозились также меха и сухопутных животных, но в значительно меньших размерах – соболей 17.298, лисиц красных – 30.950, сиводушек – 30.950, черных и чернобурых – 13.702, речных бобров – 34.546, хвостов бобровых – 59.530, песцов голубых – 36.362, песцов белых – 4.234, медведей – 1.602 и другой пушнины всего на 16.376.693 руб. 95 коп. ас. Из них променяно в Кантоне и американцам на 3.647.002. Большая часть остальных мехов была продана китайцам в Кяхте в связи с чем казна получила около 2-х миллионов рублей.⁴¹

В заключительный период деятельности РАК вывоз пушнины, хотя и сократился примерно в 2 раза прежде всего из-за хищнического истребления дорогих морских бобров и совершенно беззащитных котиков, оставался все же значительным. За 1842-1862 гг. было вывезено морских бобров – 25.899, морских котиков – 372.894, хвостов бобровых – 25.797, выдр – 70.473, речных бобров – 157.484 и т.д.⁴² Как отмечал правительственный ревизор П.Н. Головин, если при А.А. Баранове только из одного Кадьякского отдела ежегодно для морского промысла снаряжалось до 500 байдарок, то в начале 1860-х годов было «нельзя снарядить более 300 из всех колоний».⁴³ Приводя данные о вывозе с островов с 1786 до 1828 гг. более 3 миллионов морских котиков, К.Т. Хлебников заметил: «Непостижимо, как могли сохраниться эти животные» даже тогда, когда «о сбережении не прилагали особенного попечения... Котовая самка родит по одному и редко по два щенка. И следовательно род сих животных... подвержен скорому истреблению». В еще большей степени это относилось к морским бобрам, численность которых с самого начала была гораздо менее значительной. Иное положение наблюдалось с сухопутными зверями, в частности, с песцами, которые были плодовиты и их численность даже возрастала. Но они «никогда не в состоянии заменить драгоценных шкур котиков», которых Хлебников даже назвал «звонкой монетой нашего времени».⁴⁴

Принципиальные различия колонизации Аляски и колонизации Сибири вполне очевидны при сравнении общей численности населения, а также соотношения коренного населения и русских поселенцев. Напомним, что в XVIII веке население Сибири исчислялась многими сотнями тысяч. На всем протяжении XVIII в., а затем и XIX в. возрастала численность не только русских переселенцев, но и местных жителей. Совсем иная картина наблюдалась на Аляске, где численность русского населения

41 Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1-2. СПб., 1861-1863. Ч. 1. С. 239.

42 Тихменев. Указ. соч. Ч. 2. С. 221.

43 Приложение к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863. С. 398.

44 Хлебников К.Т. (Сост. Р.Г. Ляпуновой, С.Г. Федоровой) Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. С. 216-217; *Его же*. Ново-Архангельск. С. 88-89.

была не только незначительна, но практически почти не увеличивалась. По официальным данным, точность их, понятно, относительна, в 1822 г. в американских колониях числилось всего 8.286 человек. Из них русских – 448, креолов – 553, алеутов – 5.334, кенайцев 1.432 и чугач – 479.⁴⁵

В этих сведениях практически не учитывалось население континентальной Аляски. Более полные, хотя в целом оценочные данные, приведены в авторитетных записках И.Е. Вениаминова. К официальным сведениям – 10.313 человек (на 1838 г.) автор добавил 12.500 человек (известное население, но не вошедшее в описи), т.е. всего около 22.800 человек. Численность «совсем неизвестного» населения колоний Вениаминов «приблизительно» определил еще в 17.000, «а всего до 40.000».⁴⁶ При этом «россиян, живущих по разным колониям в Америке» – 706, «креолов, то есть детей русских, рожденных от американок, которые должны составлять первое основание граждан собственно американских» – 1295.⁴⁷

Из этих данных очевидно, что в отличие от Сибири русские, даже вместе с креолами составляли незначительную часть Русской Америки, большинство населения которой оставалось независимым и даже неизвестным РАК по численности. Кроме того, чуть ли не на всем протяжении деятельности РАК (вплоть до продажи Аляски в 1867 г.) число русских в Америке не увеличивалось, а держалось на уровне 450-800 человек (максимум – 823 человека в 1839 г.).

Если в Сибири уже в конце XVI в. и особенно в XVII в. было основано множество городов и острогов, что дало некоторым современным авторам возможность для сравнения и сопоставления колонизации Сибири и Северной Америки и, в частности, развития сибирских и американских городов,⁴⁸ то в Русской Америке в 1860 г. подавляющее большинство русских поселенцев 519 (из 593, т.е. 87%) проживало в Ново-Архангельске и на Кадьяке (в Павловской гавани). Морским зверобойным и пушным промыслом занималось сравнительно небольшая часть русского населения, основная работа падала на местных жителей, прежде всего на алеутов. «80% русского населения, – по словам С.Г. Федоровой, специально занимавшейся изучением населения Аляски и Калифорнии, – приходилось на сферы управления, технического обслуживания промышленного флота и оборону колоний».⁴⁹

45 Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. Ч. 1-2. СПб., 1863. Ч. 1. С. 127.

46 Вениаминов. Указ. соч. Ч. 1. С. V-VII.

47 Там же. С. VII.

48 Резун Д.Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII веке (историко-сравнительные параллели) // Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XVIII вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 8-23.

49 Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Коней XVIII века – 1867 г. М.: Наука, 1971. С. 246.

Хотя в колониях довольно успешно проводили опыты развития животноводства (особенно быстро размножались свиньи и овцы), русские научили местных жителей выращивать овощи и картофель, собственно сельским хозяйством (особенно хлебопашеством) в Русской Америке (за исключением только колонии Росс в Калифорнии) занималась лишь незначительная часть населения. В результате, прокормить даже небольшое население Русской Америки превращалось в трудную проблему. Доставка продовольствия и других необходимых товаров через Сибирь обходилась чрезвычайно дорого и оказывалось трудным и долгим делом. Главное правление РАК и правительство в С-Петербурге пытались решить проблему снабжения колоний организацией кругосветных плаваний из Балтийского моря на Аляску. В первой половине XIX в. русские моряки совершили 34 кругосветных путешествия – больше чем Англия и Франция вместе взятые. В дальнейшем подобные плавания (некоторые из них не были кругосветными, т.к. происходили в одном полушарии) совершались почти ежегодно и до продажи Аляски их было осуществлено еще около 40.⁵⁰ В целом, многие из этих плаваний имели научное значение (вспомним хотя бы открытие Антарктиды), способствовали защите русских владений на Дальнем Востоке и Америке, приобретению моряками опыта дальних плаваний, но проблему снабжения американских колоний продовольствием решить не могли.

Более успешными оказались «расторжки» с «бостонскими корабельщиками»; контакты с компанией Гудзонова залива, в частности, соглашение 1839 г. между РАК и КГЗ о поставках продовольствия в обмен на аренду англичанами прибрежной полосы на юге Аляски, торговые связи с Калифорнией и Гавайскими островами. Вместе с тем усиливалась конкуренция иностранных держав, первоначально Испании, Англии, а с начала XIX в. Соединенных Штатов, которые в дальнейшем начали преобладать на всем Тихоокеанском севере.

В целом, особенности континентальной экспансии Сибири и морской, океанической – Русской Америки предопределили их судьбу. Сибирь стала неотъемлемой частью России, а Аляска в 1867 г. была продана Соединенным Штатам. Детальному изучению продажи Аляски в свое время я посвятил обширную монографию, и здесь нет необходимости подробно останавливаться на этой проблеме.⁵¹ Вместе с тем, необходимо упомянуть о некоторых положительных моментах деятельности русских на Аляске. Так например, русские моряки детально изучили и составили подробные

50 Ивашинцов Н.А. Русские кругосветные плавания с 1803 по 1849 год. СПб., 1872; N.A. Ivashintsov (Translated by G.R. Burratt), *Russian Round-the-World Voyages, 1803-1849 with a Summary of Later Voyages to 1867* (Kingston, 1980), pp. III, 136-149, 150-156 (Later Russian circumnavigations and long voyages).

51 Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867. М.: Наука, 1990 [Англ. перевод: N.N. Bolkhovitinov, *Russian-American Relations and the Sale of Alaska, 1834-1867* (Kingston-Fairbanks: The Limestone Press, 1996)].

карты побережья Аляски и других районов Тихоокеанского севера, включая Дальний Восток.⁵² Вклад в развитие географических знаний внесли и сухопутные экспедиции РАК (И.Я. Васильев, Ф.Л. Калмыков, А.К. Глазунов, Л.А. Загоскин и др.), обследовавшие глубинные территории Аляски. Нельзя не сказать и об организации в Русской Америке первых школ, больниц, библиотек, не говоря уже о строительстве судов, развитии различных ремесел и т.д. Особо отметим, что первые больницы, школы и библиотеки предназначались для обслуживания не только русских, но и всех других жителей Русской Америки – алеутов, тлинкитов, креолов. Кстати, положение последних после продажи Аляски Соединенным Штатам оказалось особенно трудным. Многие, получив хорошее образование в России, заняли в Русской Америке почетное положение, став капитанами судов, священниками и т.д. Позднее, в США они оказались внесенными в категорию *mixed* (смешанных) со всеми вытекающими из этого в конце XIX в. и первые десятилетия XX в. печальными последствиями.

Наконец, важная заслуга русских как в Сибири, так и на Аляске связана с деятельностью православной церкви. Со времени прибытия первой Духовной миссии на остров Кадьяк в сентябре 1794 г. во главе с архимандритом Валаамского монастыря отцом Иоасафом (Болотовым) церковь стала защитницей местного населения. Самый младший член миссии монах Герман в 1970 г. был канонизирован и стал первым православным святым в Западном полушарии. «Убогий Герман» (как он сам себя называл) смело заступался и бескорыстно помогал всем гонимым и еще при жизни почитался местными жителями святым. После официальной канонизации мощи преподобного Германа Аляскинского почивают в храме Святого Воскресения на острове Кодьяк.

До сих пор на Аляске, да и по всей Америке, а теперь и в России чтут память и о другом замечательном человеке – отце Иоанне Вениаминове, приехавшем на остров Уналашка в 1824 г. и ставшем впоследствии митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием. С самого начала отец Иоанн отличался от своих коллег тем, что занялся изучением языка, обычаев и нравов местных жителей, перевел для них Катехизис, Евангелие от Матфея, составил для алеутов поучение об обязанностях христианина и т.д. Известный ученый-географ А.И. Воейков, побывавший в США в 1872-75 гг. писал: «Вениаминов стоял неизмеримо выше всех прочих миссионеров, подвизавшихся в Сибири, распространяя семена веры и цивилизации, именно знанием природного туземного языка просвещаемых дикарей, глубоким ознакомлением с их бытом, обычаями, нравами и преданиями, одним словом, той беспредельной любовью и ревностью к своему назначению и призванию, которые составляют душу миссионерства».⁵³

52 Подробно см. книгу: *Постников А.В.* Русская Америка в географических описаниях и на картах, 1741-1867 гг. С-Петербург, 2000.

53 Цит. по: *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С. 45.

После пострижения в монахи в 1840 г. Иннокентий был рукоположен во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, и его деятельность в новом сане распространялась из Ново-Архангельска на Русскую Америку, Камчатку и Охотскую область. Позднее к его епархии была присоединена Якутская область, а также Приамурский край, куда в Благовещенск в 1860 г. перенесли и архиепископскую кафедру. И хотя его церковная власть распространялась на обширной территории Азии и Северной Америки, Иннокентий не прекращал осуществлять дальние миссионерские объезды. Для японских читателей вероятно будет интересно узнать, что побывал он и порту Хакодате, где встретился с молодым о. Николаем, который впоследствии прославился обращением в христианство многих тысяч местных жителей.⁵⁴ Оба они в будущем были причислены православной церковью к лику святых. Благодаря подвижнической деятельности Святителя Иннокентия православная церковь завоевала на Аляске повсеместное признание. К 1917 г. в Соединенных Штатах насчитывался 461 православный храм, включая часовни, 309 священников и дьяконов и 600 тысяч верующих.⁵⁵ К настоящему времени число православных в США превысило 3 миллиона и именно православная церковь остается главной хранительницей русского наследия и традиций в Северной Америке.

54 ИРА. Т. 3. С. 140.

55 Bishop Gregory (Afonsky), *A History of the Orthodox Church in Alaska (1794-1917)*(Kodiak, 1978).